

УДК 94(574)

Д. В. Васильев**Суд биев в российском законодательстве о Туркестанском крае**

Статья посвящена преобразованию суда биев, осуществленному Россией в Туркестанском генерал-губернаторстве во второй половине XIX в. На основе актового материала (законов и законопроектов) показано, как трансформировался народный суд у кочевников от его признания одним из элементов судебной системы в регионе, через попытки жесткой регламентации, к установлению лишь общего контроля над ним имперской администрации. Российская власть на протяжении всего рассматриваемого периода не могла окончательно определиться с тем, какой вариант народного суда (суд биев у кочевого населения или суд казиев — у оседлого) является наиболее близким общеимперской судебной системе и в меньшей степени диссонирует с политическими целями правительства. Упадку народного суда способствовало стремление областной администрации вмешиваться в его деятельность, отменяя окончательные решения и тем самым дискредитируя саму идею народного судопроизводства, а также отсутствие единых правил в организации народного судопроизводства в различных частях Туркестанского края.

Ключевые слова: история Казахстана, история Российской империи, административная политика, обычное право, суд биев.

Наиболее полный обзор проблематики присоединения Туркестанского края и его освоения Россией приведен в историографических трудах С. Н. Брежневой [1; 2]. Однако следует отдельно упомянуть работы казахстанского историка С. З. Зиманова, в которых раскрываются природа традиционного суда казахов и тезис о суде биев и его правосудии как о стабилизирующей общественно-политической структуре казахского общества [3; 4]. При этом роль российской имперской администрации в трансформации этого института до сих пор слабо освещена в исторической литературе. В настоящей статье показано, как российская администрация XIX в. воспринимала народный суд кочевого населения и каким образом пыталась приспособить его к своим политическим интересам.

Состояние правоохранительных органов является одним из важнейших факторов, определяющих развитие государственности. Неудивительно, что вслед за присоединением Туркестанского края российская администрация уделила особое внимание организации судебной части в регионе. При работе над проектом Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. был сделан вывод о невозможности подчинения коренного населения русскому судопроизводству. Правительственные чиновники не решались на кардинальные преобразования народного суда, справедливо полагая, что это может вызвать волну активного противодействия местного населения.

Поэтому указ об образовании Туркестанской области 1865 г. сохранял специальные народные суды для разбора дел, в которых не были замешаны русские [10, с. 880]. Дела кочевников (казахов и киргизов) подлежали разбору судом биев, который собирался на заседания по распоряжению управляющего туземным населением и функционировал под его надзором.

Более детально традиционное судопроизводство рассматривалось в проекте Положения 1867 г. [6, с. 282—316]. Суд биев объявлялся гласным и публичным (§ 206). Для решения уголовных дел и всякого рода тяжб и исков между кочевниками в каждой волости выбирались от 4 до 8 биев, утверждавшихся военным губернатором. Избрание проводилось на три года одновременно с волостными управителями. При этом устанавливался возрастной ценз в 25 лет. Как и волостные, бии должны были утверждаться военным губернатором (§§ 181—185). Им не полагалось жалованье, но они имели право получать

© Васильев Д. В., 2016

особый штраф с осужденного (бийлык). Его следовало ограничить 10% стоимости гражданского иска, а при решении уголовных дел взимать в установленном обычае размере (§ 186). Полномочия биев подтверждались бронзовыми знаками и печатями установленного образца (§§ 187, 188).

Окончательно бии решали дела по искам до 100 руб. Решения по более высоким суммам (окончательно на сумму до 1000 руб.) выносили периодические волостные съезды биев с участием всех биев волости, на которых был обязан присутствовать волостной управитель, правда не имея права вмешательства в ход процесса. Неокончательные решения волостного съезда, а также уголовные дела должны были разбираться чрезвычайными съездами, созывавшимися по распоряжению уездного начальника, если дело касалось одного уезда, или по соглашению с соответствующими властями, если вопрос касался нескольких уездов. Эти съезды должны были проходить в присутствии уездного начальника (или специально командированного чиновника), который также не мог вмешиваться в разбирательство. Постановления чрезвычайных съездов полагалось признавать окончательными. Процесс на волостных и чрезвычайных съездах должен был вестись по адату (§§ 192—197). На неокончательные решения волостных съездов приносились отзывы уездному начальнику, который для их рассмотрения созывал чрезвычайные уездные съезды (§§ 198—200). Производство дел на волостных и чрезвычайных съездах определялось обычным правом. Постановления чрезвычайных съездов объявлялись окончательными (§ 201).

Брачно-семейные дела также предлагалось решать судом биев на основе обычного права. Однако в отношении такого рода дел допускалось участие российской администрации в случае недовольства одной из сторон решением биев. Кроме того, для решения дел, подсудных народному суду, местные жители получали возможность обращаться за разбирательством в российский суд. Так же и российские купцы и торговцы должны были получить возможность подавать иск суду биев (§§ 167—170). Решения суда биев вносились в особую книгу. Выигравшая процесс сторона получала заверенную печатями копию решения биев, которое волостные начальники обязаны были привести в исполнение (§§ 173—175).

В 1873 г. в Ташкенте был разработан проект Положения, призванный стать новым законом об управлении Туркестанским краем. Он фактически повторял все прежние положения, касавшиеся народного суда у казахов, внося изменения лишь в части обжалования бийских решений по брачным и семейным делам в общих русских судебных установлениях, а не как прежде у уездного начальника [13, с. 53]. В пояснительной записке к этому проекту подчеркивалась судопроизводственная перспектива суда биев: туркестанские чиновники надеялись, что он, как более рациональный и близкий русскому суду, постепенно придет на смену сохранявшемуся у оседлого населения суду казиев [13, с. 55].

Для рассмотрения проекта Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства, разработанного непосредственно в Ташкенте, при Военном министерстве из представителей министерств военного (4 члена), иностранных (1) и внутренних (2) дел, финансов (1), государственных имуществ (2), юстиции (1) и Государственного контроля (1), а также туркестанской администрации (2) была создана особая комиссия под председательством генерала от инфантерии А. А. Непокойчицкого. Собираясь на свои заседания практически дважды в неделю, за полтора месяца комиссия не только обсудила представленный ее вниманию ташкентский проект 1873 г., но и смогла на его основе выработать собственный законопроект [14, л. 22—96 об.]. То обстоятельство, что из 15 членов комиссии 7 так или иначе были связаны с военным ведомством,

не только определило направление обсуждения, но и подчеркнуло характер дальнейшего развития региона, каким он виделся российскому правительству.

В связи с тем что особая комиссия при Министерстве юстиции продолжала работать над проектом отдельного Положения об устройстве суда в Туркестанском крае, комиссия сочла целесообразным оставить в тексте общего Положения главу об устройстве народного суда.

С целью сдерживания appetitов местных биев было принято решение ограничить бийлык десятой частью от стоимости не иска (который мог намного превышать ценность спорного имущества), а присуждаемого имущества (§ 156). Одновременно была введена новая статья об ответственности биев за злоупотребления и неисполнение своих обязанностей (§ 157). Рассмотрение дел об убийствах было решено передать суду по имперским законам, а апелляционными инстанциями по брачным делам между местными жителями вместо уездного начальника должны были стать общие судебные установления (§ 172).

Комиссия при Военном министерстве оставила в силе статью закона 1867 г., разрешавшую российским купцам по делам с казахами в определенных случаях обращаться к суду биев, дополнив ее вполне логичным, с точки зрения положения народного суда, указанием на то, что в этом случае решения бийского суда признаются окончательными (§ 173).

Весной 1874 г. проект Положения 1873 г. был рассмотрен в особой комиссии Министерства финансов, которая, не ограничиваясь собственно финансовыми вопросами, сформулировала свое мнение по всему документу, не исключая судебной части [8, л. 33—110 об.]. Обсуждая раздел проекта Положения об устройстве судебной части в Туркестанском крае, комиссия подчеркнула его редакционное несовершенство и отметила, что решила включить в собственный журнал анализ этого вопроса, проведенный единственным компетентным человеком в ее составе — агентом Министерства в генерал-губернаторстве Н. Ф. Петровским, который изложение своих замечаний начал с того, что достаточно обоснованно отказал суду по шариату (суду кази) называться народным судом, т.е. судом по обычному праву, как его называли и сам проект Положения, и Пояснительная записка к нему [8, л. 77]. Он подчеркнул, что, будучи связанным с религиозной традицией, устанавливающей право толкования мусульманских правовых норм за несколькими законоведческими школами, шариат не мог считаться народным судом, то есть судом, основанным на общепринятых нормах. При этом Петровский подчеркнул, что если шариат разделяет гражданские и уголовные правоотношения, то адат последних не знает вовсе.

Обратив внимание на то, что проект Положения 1873 г. по судебной части в значительной мере повторяет действовавший проект Положения об управлении Сырдарьинской и Семиреченской областями 1867 г., и основываясь на собственных знаниях и опыте, Н. Ф. Петровский пришел к следующим выводам в отношении народного суда кочевников.

Сравнивая суд биев с более регламентированным судом кази, он подчеркнул их совершенно разный характер, который туркестанская администрация игнорировала в своем проекте: «...суд биев, безапелляционный и никакими формальностями не стесняемый, должен производиться по киргизскому обычаю не постоянными биями, избираемыми народом на определенное срочное время для решения всех вообще дел... а биями, избранными на каждый отдельный случай самими же тяжущимися сторонами для разбора их дела... поэтому очень часто, независимо от учрежденных русской властью постоянных биев, для разбора дел между двумя тяжущимися сторонами приглашается быть бием первый встречный... человек и т.п. Такой суд производится открыто и гласно, не требует никаких формальностей, как-то записей решений, приложения печатей и т.п.; решение

его считается безусловно обязательным для тяжущихся сторон и, при добровольном избрании биев, весьма редко вызывает протесты. Право апелляции народный суд не знает и не допускает по тому соображению, что решение судьи, выбранного самими же судящимися, не может быть несправедливым» [8, л. 78].

Введение суда биев в прокрустово ложе законодательства выхолащивало сам смысл суда по адату.

Обращая внимание на утверждение составителей проекта 1873 г. о том, что «суд биев основан на обычаях, не вредных ни для народа, ни для правительства...» [13, с. 55], Н. Ф. Петровский не видел логики в проектировании для бийского суда такого устройства (состава, юрисдикции, прав и обязанностей), которые, «изменяя коренные основания этого суда и делая его, вследствие сего, совершенно ненародным, вместе с тем и не приближают его, по существу, к суду русскому». Отсюда он делал вывод о том, что «вместо устройства для киргизов суда, который не оправдывается их народными обычаями, было бы гораздо рациональнее или подчинить их суду общих законов империи, или оставить им свой суд в том виде, как он установился обычаем, и вместе с тем предоставить им право обращаться по желанию в суды русские не с правом апелляции, как предполагает проект и что невозможно, а как в первую инстанцию суда. Последней мерой, если бы она была принята, достигалась бы та цель, что кочевое население Туркестанского края оставалось бы при своем собственном суде и, кроме того, имело бы возможность прибегать к суду русскому, распространение которого на большем круге действия, конечно, не может быть нежелательным; между тем при проектируемом устройстве кочевое население края, строго говоря, будет оставлено вовсе без суда, ибо та регламентация, которая для этого суда предполагается и которая, конечно, станет известной населению после перевода положения на туземные языки, не находит себе подтверждения в обычаях суда народного...» [8, л. 78 об. — 79].

Он перечислил несуразности этой части законопроекта: разделение судопроизводства по адату на гражданское и уголовное (§ 153); установление порядка избрания и утверждения биев, нормы их вознаграждения (§§ 154—156); введение особых знаков и печатей биев, инстанций бийского суда, а также особого третейского суда и апелляции (§§ 158—160, 163, 164, 168); регламентация заседаний и юрисдикции суда всех инстанций (§§ 160, 161, 163—170, 171, 174, 175, 177 и 178). Ничто из перечисленного обычаями народного суда не предусматривалось. Более того, Петровский утверждал, «что если такой, регламентированный, народный суд будет когда-либо установлен, то нет сомнения, что население, не находя в нем своего суда народного, а также не видя в нем суда русского, всегда будет обходить такой суд и создаст рядом с ним свой суд по народным обычаям». Чиновник не мог понять, почему судьи, по природе своей третейского суда, за неисполнение своих обязанностей и злоупотребления должны были военным губернатором предаваться суду *на общем основании* (§ 157), а также зачем позволять русским купцам и торговцам по делам с казаками обращаться к суду биев, если целью краевой администрации является скорейшая замена народного суда общеимперским [8, л. 79—80].

Среди неувязок проекта 1873 г. Н. Ф. Петровский назвал введение в юрисдикцию суда биев понятия уголовного преступления, которое вообще отсутствовало у кочевников, ибо все дела у них носили исковый характер. Такое деление виделось тем более нецелесообразным, что убийства и другие тяжкие преступления вообще подлежали следствию и суду по русским законам. Что касается нормы вознаграждения биев, то она традиционно устанавливалась обычаем и обоюдным договором сторон и могла заметно различаться в разных местностях в зависимости от рода дел. Будучи по сути своей третейским, суд биев в принципе не может иметь инстанций и апелляции. «Юрисдикция суда биев не

ограничена никакой суммой и безапелляционна; отвода биев, по самому характеру этого суда, не может существовать, а записи решений суда в особые книги невозможны по всеобщей безграмотности кочевого населения. Если же записи эти будут поручены грамотным писарям, то это создаст в суде биев новый, признанный уже в России весьма вредным в народном суде элемент писарей, который в степи станет тем вреднее, потому что должности писарей в суде биев будут замещаться татарскими муллами, от влияния которых сама администрация края старается, сколько возможно, избавить кочевое население». Позволение недовольной стороне обращаться с жалобой на решение суда биев по брачным и семейным делам в общие судебные установления (§ 172) обязывало эти, не установленные в законопроекте, органы знать обычное право казахов [8, л. 79—80].

Перейдя затем к шариатскому суду, Н. Ф. Петровский отметил, что, исходя из обвинений этого суда туркестанскими властями в фанатизме и ограничении «умственного развития» народа, «...можно было бы думать, что означенный суд будет регламентирован таким образом, чтобы пользование им и влияние его на население были возможно более ограничены. К достижению не только этой цели, но даже к введению среди оседлого населения суда по русским законам не представляется в настоящее время, строго говоря, особенных препятствий, так как суд по «шариату», как замечено выше, основывается не на народных обычаях, обусловленных всей исторической и бытовой жизнью населения, а на извне принесенных в Среднюю Азию вместе с мусульманством аравийских воззрениях права, бывших для среднеазиатского населения во время их правления столь же чуждыми, как и русские законы. Поэтому население Туркестанского края, если бы оно было подчинено суду по русским законам, могло бы точно так же к ним привыкнуть, как оно привыкло к «шариату». Между тем вопреки предположенной цели, устройство суда казиев проектируется в том же самом виде, как и устройство невредного для правительства и населения суда биев. При этом русская власть отказывалась от своего права (признаваемого за ней и мусульманскими законами) — назначать казиев по своему выбору и, предоставляя это право населению, не привыкшему к выборному началу, создает на должностях казиев или совершенно никуда не годных в нравственном отношении лиц, или фанатиков мусульманства» [8, л. 80—80 об.].

Утверждая, что при сложившихся условиях мусульманское население добровольно не откажется от шариатского суда в пользу русского, Н. Ф. Петровский признал весьма низким уровень подготовленности этой части проекта Положения, составленной из закона, принятого тогда, когда российская администрация имела весьма смутные представления о судопроизводстве оседлого населения края. Он констатировал: «Из всего вышеизложенного о проекте устройства суда для туземцев Туркестанского края оказывается, что народное право и юридические обычаи кочевого населения, а также мусульманское право или «шариат» у населения оседлого остались до сего времени совершенно неизученными против того, как они изложены в ныне действующем положении, почти буквально перепечатанном в новом проекте. Даже более — в ныне действующем положении по сравнению его с проектом некоторые касающиеся одних и тех же предметов статьи изложены гораздо ближе к основным началам народного суда, чем в новом проекте» [8, л. 82—82 об.]. Так, по действовавшему Положению 1867 г., сторона, недовольная решением биев, имела право обращаться с жалобой к уездному начальнику, что в принципе совершенно соответствовало духу народного суда, ибо олицетворявший власть уездный начальник, точно так же как хан и бек в прежнее время, был в глазах населения гарантом и защитником его прав. А по проекту 1873 г. жалоба на решение биев должна была подаваться в общие судебные установления, которые не имели возможности знать обычное

право казахов и не могли судить о справедливости или несправедливости основанного на этом праве решения.

Подводя итог собственному анализу судебной части проекта 1873 г., Петровский признал, что «казалось бы совершенно необходимым исключить из проекта все те добавления, которые сделаны им в ныне действующем положении, оставить это положение временно в действии в том же самом виде, как оно ныне существует, и вместе с тем командировать от Министерства юстиции одного или нескольких лиц для собрания материалов и изучения этого предмета на месте с целью составления впоследствии судебного положения для туземного населения края» [8, л. 82 об.].

Составленный в 1881 г. очередной проект Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве предлагал несколько расширить юрисдикцию русского суда в отношении коренного населения [7, с. 71—72]. Новый законопроект предлагал определить систему наказаний, налагаемых биями, и превратить регулярные съезды биев в вышестоящие инстанции народного суда для кочевников [7, с. 75—76]. Ревизия Туркестанского края, проведенная сенатором Ф. К. Гирсом в 1883 г., сочла возможным практически полностью сохранить правила народного судопроизводства, установленные Положением 1867 г. (§§ 183—253) [12, с. 18—23].

Несмотря на то что во вступившем в силу в 1886 г. Положении об управлении Туркестанского края [11, с. 318—346] судебная часть в целом была максимально приближена к действовавшим внутри России судебным уставам 1864 г., народный суд по-прежнему оставался под контролем общей администрации.

Среди нововведений 1886 г. следует назвать определенную регламентацию взысканий, налагаемых народным судом (§ 217), введение вознаграждения судьям на основании существующих обычаев без какой-либо регламентации (§ 226), предание их суду за должностные преступления (§ 229). Новое Положение более конкретно рассматривало состав и компетенцию чрезвычайных съездов народных судей (§§ 241, 247). И хотя грань между народным судом у кочевников и оседлых жителей практически стирается, в отличие от съездов судей оседлого населения съезды судей кочевников продолжали проходить в присутствии начальника того уезда, в котором собирался съезд (§ 248).

Положение 1886 г. значительно приблизило судебную часть в генерал-губернаторстве к общеимперскому положению, усилив вместе с тем прерогативы русского суда. С другой стороны, оставив народный суд под контролем российской администрации, ограничив предметы его ведения, регламентировав права и обязанности народных судей, оно установило суд кази для оседлых жителей края, в большей степени соответствовавший традиционным представлениям, чем суд биев у казахов.

Российская законотворческая деятельность по Туркестану убеждает, что новая власть весьма осторожно отнеслась к традиционному суду. И стремилась в силу своего понимания быть в этом деле более последовательной, чем, например, в своем «игнорировании» мусульманства¹. Сохраняя народные суды, дабы избежать социального протеста местного населения, правительство надеялось, что они не выдержат конкуренции с европеизированным русским судом.

Интересно, что Степная комиссия, разрабатывавшая проект Положения 1867 г., признала необходимым отменить право народного суда выносить смертные приговоры и другие тяжкие наказания, заменив их ссылкой в Сибирь, однако не нашла возможным ограничивать применение прочих традиционных наказаний, полагая опасным всякую регламентацию и вмешательство во внутреннюю жизнь мусульманского суда, затраги-

¹ Под «игнорированием» ислама подразумевалось невмешательство в дела мусульманской церкви при безусловном отказе от ее поддержки.

вающие религию. Хотя после окончательного утверждения новой власти администрация сочла возможным пойти и на некоторое ограничение местного суда.

К упадку российского варианта народного суда в Туркестанском крае вели незаконное вмешательство администрации в его решения [5] и отсутствие единства его организации во всем регионе [9]. В разных местностях края при совершенно одинаковых условиях жизни народный суд действовал на различных началах. Впрочем, попытка преодолеть эту проблему была предпринята в Положении об управлении Туркестанского края 1886 г.

Законом 1886 г. был сделан решительный поворот в политике российской власти в отношении судебных установлений в крае. Положение русского суда максимально приблизилось к общеимперскому, а народный суд в значительной степени был унифицирован и регламентирован.

Список использованных источников и литературы

1. Брежнева С. Н. Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии. Тольятти : Изд-во ТГАС, 2004. 288 с.
2. Брежнева С. Н. Современная историография русско-азиатских отношений в период присоединения Туркестана к России. Тольятти : Изд-во ТГУС, 2007. 155 с.
3. Зиманов С. З. Казахский суд биев — уникальная судебная система // Казахский суд биев — общекультурологическая ценность. Алматы : Арыс, 2009. С. 5—36.
4. Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века // Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы : Арыс, 2009. С. 5—305.
5. Любичанковский С. В. Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908—1909 гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 127—132.
6. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1 / сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата : Изд-во Академии наук КазССР, 1960. 441 с.
7. Объяснительная записка к проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. 1881 г. Б. м., [1881]. 168 с.
8. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 208. Ед. хр. 11.
9. Пален К. К. Народные суды Туркестанского края // Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. СПб. : Сенатская тип., 1909. С. 9—35.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 40: 1865. Отд-е 1. СПб., 1867.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 6: 1886. Отд-е 1. СПб., 1888.
12. Положение об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. Б. м., [1883]. 37 с.
13. Пояснительная записка к проекту Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб. : Воен. тип., 1874. 105 с.
14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 370.

Поступила в редакцию 22.08.2016 г.

Васильев Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент
Институт искусства реставрации
Российская Федерация, 105037, г. Москва, городок имени Баумана, д. 1, стр. 15
E-mail: dvvasiliev@mail.ru

UDC 94(574)

D. V. Vasilyev**Biy's Court in the Russian Legislation on Turkestan Region**

The article is devoted to the transformation of Biy's Court, carried out by Russia in the Turkestan Governorate General in the second half of the 19th century. Based on laws and bills the author shows the transformation the Nomadic National Court underwent beginning with its recognition as one of the elements of the judicial system in the region, through the attempts of a rigid regulation to establishing the general control over it. Throughout the considered period the Russian power couldn't decide what type of People's Court (nomadic Biy's Court, or Kadi's Court of sedentary residents) was the closest to all-imperial judicial system and less contradicting to the political objectives of the government. The decline of the National Court was contributed by aspiration of the regional administration to interfere in its activity by canceling final sentences and thereby discrediting the idea of the national court proceedings as well as the absence of the unified rules in the organization of the national legal proceedings in various parts of the Turkestan region.

Key words: history of Kazakhstan, history of the Russian Empire, administration policy, common law, Biy's Court.

Vasilyev Dmitry Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Institute of Restoration Art
Russian Federation, 105037, Moscow, 1, bld. 15 Bauman gorodok
E-mail: dvvasiliev@mail.ru

References

1. Brezhneva S. N. *Prisoedinenie Turkestana k Rossii: diskussionnye problemy dorevolyutsionnoi i sovetskoi istoriografii* [The Annexation of Turkestan by Russia: Debatable Problems of a Pre-Revolutionary and Soviet Historiography]. Tol'yatti, TGAS Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
2. Brezhneva S. N. *Sovremennaya istoriografiya rusско-aziatskikh otnoshenii v period prisoedineniya Turkestana k Rossii* [Modern Historiography of the Russian-Asian Relations during the Annexation of Turkestan to Russia]. Tol'yatti, TGUS Publ., 2007. 155 p. (In Russian)
3. Zimanov S. Z. *Kazakhskii sud biev — unikal'naya sudebnaya sistema* [Kazakh biy court — a unique judicial system]. *Kazakhskii sud biev — obshchekul'turologicheskaya tsennost'* [Kazakh Biy's Court as All-Cultural Value]. Almaty, Arys Publ., 2009, pp. 5—36. (In Russian)
4. Zimanov S. Z. *Obshchestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka* [The social order of the Kazakhs of the first half of the XIX century]. *Obshchestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka i Bukeyevskoe khanstvo* [Kazakh's Social Order of the First Half of the 19th century and Bukey Khanate]. Almaty, Arys Publ., 2009, pp. 5—305. (In Russian)
5. Lyubichankovskii S. V. *Senatorskaya reviziya Turkestanskogo kraja v 1908—1909 gg.* [Senatorial Revision of Turkestan Region in 1908—1909]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 1, pp. 127—132. (In Russian)
6. *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii). T. 1 / sost. M. G. Masevich* [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan (Since the Accession of Kazakhstan to Russia before the Great October Socialist Revolution), comp. by M. G. Masevich. Vol. 1]. Alma-Ata, Akademiya nauk KazSSR Publ., 1960. 441 p. (In Russian)
7. *Ob'yasnitel'naya zapiska k projektu Polozheniya ob upravlenii v Turkestanskom general-gubernatorstve. 1881 g.* [Explanatory Note to the Draft of the Statute for Governing in the Turkestan General Governorship. 1881]. With. pl., [1881]. 168 p. (In Russian)
8. *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Department of written sources of the State Historical Museum]. F. 208. Ed. khr. 11.
9. Palen K. K. *Narodnye sudy Turkestanskogo kraja* [National Courts of Turkestan Region]. *Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po vysochaishemu poveleniyu senatorom gofmeisterom grafom K. K. Palenom* [Report of the Audit of Turkestan, produced on the highest command by Senator Chamberlain Count K. K. Pahlen]. St. Petersburg, Senatskaya tip., 1909, pp. 9—35. (In Russian)

10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 2-e. T. 40: 1865. Otd-e 1* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The second corpus. Vol. 40: 1865. Sep. 1]. St. Petersburg, 1867. (In Russian)
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 3-e. T. 6: 1886. Otd-e 1* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The third corpus. Vol. 6: 1886. Sep. 1]. St. Petersburg, 1888. (In Russian)
12. *Polozhenie ob upravlenii v Turkestanskom general-gubernatorstve* [The Statute for Governing in the Turkestan General Governorship]. With. pl., [1883]. 37 p. (In Russian)
13. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu Polozheniya ob upravlenii v oblastiakh Turkestanskogo general-gubernatorstva* [Explanatory note to the draft of the Statute for governing in provinces of the Turkestan general governorship]. St. Petersburg, Voen. tip. Publ., 1874. 105 p. (In Russian)
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military and Historical Archive]. F. 400. Op. 1. D. 370.